

ВОПРОСЫ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ НА НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЕННОЙ 50-ЛЕТИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА НИЖЕГОРОДСКОГО ГОС. УНИВЕРСИТЕТА им. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

18–19 октября 1996 г. в Нижнем Новгороде прошла представительная научная конференция, посвященная 50-летию исторического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского. В рамках конференции работала секция «Вопросы археологии и антиковедения», на заседаниях которой, проходивших под председательством профессора С.К. Сизова, были представлены 13 разнообразных по тематике докладов.

В докладе *Н.И. Касаткиной* (Нижний Новгород) «I Афинский морской союз и проблемы колонизации» были прослежены принципы колонизационной политики Афин, введенные в практику на рубеже VII–VI вв. до н.э., и их развитие в период I Афинского морского союза. На первом этапе афинской колонизации, до начала Греко-персидских войн, вывод колонистов не имел целью освободить Аттику от избыточного населения, но был призван закрепить результаты конкретной политической акции того или иного лидера. После образования Афинского морского союза и в связи с изменением в демографической ситуации колонизационная политика активизировалась, став важным фактором сохранения внутренней стабильности полиса и целостности Афинской державы. Вместе с тем в этот период, по мнению докладчика, продолжали существовать такие возникшие в самом начале колонизационной практики Афин традиции, как сохранение колонистами, независимо от статуса колонии, афинского гражданства, превращение земель колонии в государственную собственность и др. В результате Афины уже в рамках классического полиса пошли по пути преодоления полисной замкнутости. *Е.В. Власова* (Санкт-Петербург) в докладе «Рог для питья у скифов» рассмотрела находки и изображения сосудов в форме рога, сопоставив их с данными письменной традиции. Такого рода сосуды были одной из инноваций, появившихся в вещевых наборах скифской культуры в конце VI–начале V в. до н.э. Несоответствие археологического материала и информации письменных источников, которые ничего не сообщают об использовании подобных сосудов у скифов и народов близких к ним по культуре, докладчик объясняет тем, что античные авторы, в первую очередь Геродот, упоминая лишь о священных золотых фиалах и глиняных киликах, используемых при совершении «клятвенного обряда», следовали более ранней устной традиции.

Тема Северного Причерноморья получила развитие в группе докладов, посвященных истории и древностям Боспора. Критика существующих взглядов на политическую ситуацию на Боспоре в начале V в. до н.э. и на причины его объединения под властью Археанактидов прозвучала в докладе *Е.А. Молева* (Нижний Новгород) «К вопросу об обстоятельствах прихода к власти на Боспоре Археанактидов». По его мнению, ни проблема стенохории, которая могла решаться традиционным для греков способом выведения новых апойкий, ни военная угроза со стороны скифов не могли стать причиной, побуждавшей боспорских эллинов к объединению. Конкретные материалы не подтверждают возрастания агрессивности скифов по отношению к эллинским городам Причерноморья в конце VI–начале V в. до н.э., а активное функционирование оружейной мастерской в Пантикапее может быть истолковано и как следствие агрессивной политики самого Пантикапее в то время. *Н.Э. Кунина* (Санкт-Петербург) познакомила участников заседания с миниатюрным стеклянным портретом из Нимфея, найденным в ходе раскопок 1983 г. Выполненный в редкой технике литья с утратой восковой модели, этот портрет идентифицируется как изображение Ливии, которая, судя по некоторым деталям, была изображена в виде богини, что позволяет датировать находку временем после обожествления супруги Августа в 42 г. н.э. Как и статуя Ливии, воздвигнутая ранее в Фанагории царицей Динамией, нимфейский портрет является важным свидетельством распространения императорского культа на Боспоре. В докладе «Геммы и перстни из Нимфея. Опыт монографического исследования памятников античной глиптики» *О.Я. Неверов* (Санкт-Петербург) охарактеризовал 45 нимфейских печатей и 10 оттисков на керамике, которые дают богатую информацию о контактах этого северопонтийского полиса с отдаленными регионами античного мира на протяжении девяти веков. Искусство резьбы по камню, порожденное эстетическими, религиозными и экономическими

требованиями полисного быта, имело постоянный спрос, приведший к появлению местной боспорской мастерской, и умерло лишь с гибелью полиса. *Н.В. Молева* (Нижний Новгород) выступила с сообщением «Древности эпохи камня и бронзы на античном городище Китей», в котором предложила интерпретацию найденных в античных слоях каменных орудий со следами длительного вторичного использования. Возвращая исследователям, датировавшим эти артефакты периодом поздней бронзы и считавшим, что они применялись в качестве орудий труда, автор доклада обратила внимание на то, что эти предметы обнаружены преимущественно в сакральных комплексах, и предположила, что они использовались в культовых обрядах в честь хтонических божеств либо в качестве апотропеев. Материалы 25-летних раскопок боспорского города Китея стали также предметом совместного доклада *Е.А. Молева* и *Е.А. Семичевой* (Москва) «Граффити Китейского святилища». Интерпретация 113 граффити, в большинстве посвященных, подтверждает вывод о комплексном характере Китейского святилища, где поклонялись божествам плодородия и земледелия в их мужской и женской ипостаси, в частности Гераклу в его хтонических аспектах, а также олимпийским божествам.

С.К. Сизов (Нижний Новгород) в докладе «Российская историография эллинистического федерализма: Ахейский и Этолийский союзы в трудах дореволюционных отечественных антиковедов» высоко оценил вклад российских ученых в изучение «федеративной Эллады», отметив, что благодаря содержательным работам *В.Г. Васильевского* и *Ф.Г. Мищенко*, эпиграфическим изысканиям *Ф.Ф. Соколова* и *А.В. Никитского* отечественная наука занимала передовые рубежи в исследовании данной темы, интерес к которой возродился лишь в последние десятилетия. Хотя отдельные мнения российских антиковедов устарели или опровергнуты новыми данными, многие их выводы были в свое время приоритетными и вошли в фонд современной науки. *Н.Ю. Сивкина* (Нижний Новгород) посвятила свое выступление одной из наиболее дискуссионных проблем истории Коринфской лиги – вопросу о так называемых «стражах мира», о которых имеется лишь одно прямое свидетельство в речи Псевдо-Демосфена «О договоре с Александром». Полемизируя с высказанными в литературе мнениями, автор пришла к выводу, что к числу «стражей мира» можно отнести Антипатра и тех македонских военачальников, на которых данный титул распространялся в том случае, если они направлялись в Элладу для выполнения особых заданий с соответствующими чрезвычайными полномочиями. В докладе *А.В. Хазиной* (Нижний Новгород) «От "политического животного" к "животному общительному"» был предпринят сравнительный анализ представлений о человеке, сформулированных в классической социально-утопической традиции Платона и Аристотеля и в эллинистической утопии Ямбула. Если Платон и Аристотель, при всех различиях между ними, в своих интеллектуальных экспериментах по «сооружению» здания идеального общества оставались в рамках полисного мировоззрения и исходили из тезиса о «слитости» индивида, гражданина и государства, то в утопии Ямбула нет ничего, что напоминало бы о полисной социальности: субъект полностью растворяется в природном окружении, а само идеальное общество предстает произведением природы, а не результатом деятельности разумного существа.

В нескольких выступлениях получила освещение римская тематика. По мнению *В.В. Дементьевой* (Ярославль), высказанному в докладе «Теории происхождения срока полномочий римского интеррекса», институт междучарствия возник еще в период царей и пятидневный срок исполнения должности интеррекса основывался на весьма архаичных сакрально-политических ритуалах. Развиваемая в работах *Е.Т. Мерила*, *А. Магделена*, *Е. Майера* и др. теория о связи этого срока с обычаем бегства царя представляется докладчику более плодотворной и перспективной, чем концепция *Т. Моммзена* и *Л. Ланге* о соответствии этих пяти дней сроку принесения присяги магистратом. *А.В. Махлаюк* (Нижний Новгород) посвятил свой доклад анализу соотношения литературных топосов и нормативных представлений о суровости римской военной дисциплины с практикой военной службы императорского времени, показав, что идеал суровой дисциплины привлекал тем большее внимание античных авторов, чем чаще и радикальнее расходилась с ним реальная жизнь армии. Однако сколь бы сокрушительной ни оказывалась историческая эмпирия для традиций римской дисциплины, они продолжали жить в период империи не только как аксиологический миф, но и как ориентир, которым непосредственно руководствовались практики военного дела. Работу секции завершил доклад *С.А. Доманиной* (Нижний Новгород) «Столбы четырех богов и колонны Юпитера в Галлии: к вопросу о религиозной политике Рима в западных провинциях», в котором был обоснован вывод, что данные памятники не следует рассматривать как единый тип, связанный эволюционной преемственностью, так как колонны Юпитера со змееногим, образный строй которых подчеркивает близость Рима и Кельтики, выразили смену идеологических приоритетов во второй половине II в. – от идеи Рима-победителя к идее Рима-защитника тех народов, в союзе с которыми Рим был призван теперь противостоять общему врагу – варварам-германцам. Не исключено, что такая смена идеологических «вех» связана с именем Марка Аврелия.

Все доклады вызвали большой интерес и, по общему мнению участников, могут свидетельствовать о сохранении и развитии традиций отечественной науки в провинциальных центрах России.

А.В. Махлаюк